

ОТЗЫВ

о диссертации Светланы Васильевны НАУМЕНКО «Русская орфография от вариативности к единой норме: основные этапы становления по данным лексикографических и архивных источников», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык

Диссертация Светланы Васильевны НАУМЕНКО, как это можно понять уже из ее названия, посвящена вариативности написаний в практике письма (в узусе) и проблеме допустимости вариативности при кодификации орфографии. Актуальность темы исследования не вызывает ни малейшего сомнения. В последние десятилетия активизировалась работа по нормализации русской орфографии в эпоху социальных и языковых изменений. В частности, в настоящее время ведется работа по созданию свода правил русской орфографии – первого в истории (хотя некоторые из предыдущих сборников правил русской орфографии торжественно назывались «сводами», на самом деле они не были таковыми, а представляли собою, по существу, лишь сборники разрозненных правил). Понятно, что такая работа должна опираться на тщательное изучение научного наследия в этой области. Исследование С. В. НАУМЕНКО можно считать компендиумом такого наследия. Мимо него не должны пройти кодификаторы русской орфографии.

Хочется подчеркнуть научную новизну предпринятого исследования. Впервые достоянием широкой научной общественности сделаны трактаты по кодификации русской орфографии, проведено сопоставление справочников и сборников орфографических правил, публиковавшихся начиная с XVIII в., в

научный оборот впервые введено более ста документальных источников по истории становления орфографической нормы.

Сказанное определяет теоретическую и практическую значимость рецензируемого диссертационного исследования.

Теоретическое значение вытекает уже из того, что в настоящее время проблема вариативности – одна из самых обсуждаемых проблем кодификации орфографии. При этом часто высказываются по видимости противоположные точки зрения. Одни специалисты настаивают на том, что кодификатор должен стремиться во всех возможных случаях устранять вариативность написаний; другие призывают к «смягчению орфографических нравов» и отражению в кодификации реально существующей вариативности в узусе. Однако при этом нередко не учитывается «история вопроса». Предпринятое в диссертации С. В. НАУМЕНКО детальное описание вариативности написаний в практике печати, в словарях и справочниках и отношение к такой вариативности разных специалистов в период начиная с XVIII в. позволит более ответственно подходить к выработке отношения к орфографической вариативности.

Практическое значение исследования обусловлено тем, что содержащийся в нем материал позволит более взвешенно подходить к орфографической регламентации в случае вариативности в узусе при создании свода орфографических правил.

Я, разумеется, не буду пересказывать содержание исследования, отмечу только, что структура работы в целом отвечает поставленным в ней задачам. Можно заключить, что поставленные в работе задачи оказались выполнены и цель достигнута.

В то же время хотелось бы высказать ряд критических замечаний.

Как кажется, автор диссертации излишне увлекся концепцией общеобязательного орфографического стандарта, т. е. единой безвариантной орфографической нормы. В результате в рецензируемой работе при описании практики письма, а также нормализации орфографии в XX в. совершенно не учитывается практика свободной русской печати за границей и орфографические соображения, высказывавшиеся эмигрантскими авторами.

С этим замечанием связано и другое. В триаде узус—норма—кодификация автор преимущественное внимание уделяет двум наблюдаемым объектам: узусу (практике письма) и кодификации нормы (данным словарей и справочников), в результате чего на задний план уходит орфографическая норма как объект консенсуса грамотных носителей языка и создается впечатление, будто орфографическая норма возникает в результате решения кодификаторов. В действительности кодификатор, стремящийся к объективности, должен выявить орфографическую норму и зафиксировать ее, тогда как написания, не соответствующие норме, будут считаться орфографической ошибкой, даже если они частотны в узусе. При этом часто именно частотные орфографические ошибки ярко иллюстрируют отсутствие принципиальных различий между орфографическими и «собственно языковыми» нормами. Так, в современной речи регулярно смешиваются частицы *не* и *ни* (чаще *не* используется вместо *ни*, но бывает и наоборот). Когда рассматриваемая частица находится не под ударением, можно было бы констатировать, что во всех этих случаях допущены грубые орфографические ошибки. Но использование *не* вместо *ни* нередко встречается и под ударением, и тогда получается, что ошибка не орфографическая, а речевая. Заметим, что в живой речи эта ошибка встречалась уже довольно давно, но обычно она не попадала в

письменные редактированные тексты, поскольку исправлялась редакторами или корректорами. В настоящее время написания такого рода стали обычными и в текстах, которые, предположительно подверглись редактированию и корректуре. По-видимому, сторонники бескомпромиссного корпусного подхода имеют основания признать такие употребления в качестве нового грамматически приемлемого способа оформления уступительных конструкций. Но тогда нельзя будет считать ошибкой и использование *не* вместо *ни* и в позиции без ударения. Однако реальность состоит в том, что большинство образованных носителей русского языка все же склонны признать такое употребление «неправильным», даже если оно встречается в их собственной речи (тогда они готовы «исправиться»). В любом случае очевидно, что «собственно языковая» и орфографическая кодификация здесь должны идти рука об руку: непризнание нормативным написания *не* вместо *ни* (и наоборот) обусловлено непризнанием нормативным произношения *не* вместо *ни* под ударением.

Если же консенсус грамотных носителей языка в отношении каких-то написаний отсутствует, это означает, что мы имеем дело или с неустановившейся нормой, или с объективно вариативной нормой.

В первом случае (неустановившаяся норма) кодификатор вправе принять решение, какое из конкурирующих кажется ему предпочтительным, и дать соответствующие мотивированные рекомендации; при этом отклонение от таких рекомендаций не должно считаться орфографической ошибкой, тем более что может оказаться, что, когда норма установится, консенсус грамотных носителей языка выберет не то решение, которое казалось предпочтительным кодификатору. Так, по-русски издавна использовались два способа написания столицы Португалии: с одной

и с двумя буквами *с* (*Лисабон* и *Лиссабон*). Написание с одной буквой *с* преимущественно использовалось в энциклопедических изданиях, а написание с двумя буквами *с* – на географических картах (впрочем, это была лишь тенденция, а не жесткое распределение, и в целом можно было говорить, что норма не установилась). Такое же варьирование наблюдалось в производных *лис(с)абонец* и *лис(с)абонский*. Академический «Русский орфографический словарь» рекомендовал написание с одной буквой *с*: *лисабонец* и *лисабонский* (а в скобках указал «от Лисабон»); однако в узусе написания с двумя буквами *с* встречались значительно чаще, причем перевес написания с двумя *с* со временем становился все больше. Так, в Основном корпусе НКРЯ (по состоянию на 10 ноября 2019) написание *Лиссабон* встретилось 596 раз (против 16 раз написания *Лисабон*), написание *лиссабонский* – 116 раз (против двух вхождений написания *лисабонский*), написание *лиссабонец* – семь раз (*лисабонец* – ни разу). В газетном подкорпусе НКРЯ написание *Лиссабон* встретилось 1176 раз (против трех вхождений написания *Лисабон*), написание *лиссабонский* – 624 раза (против одного вхождения написания *лисабонский*), написание *лиссабонец* – 45 раз (*лисабонец* – ни разу). И в новом издании «Большой российской энциклопедии» уже используется написание *Лиссабон*, вопреки традиции, которая была принята у энциклопедистов. Можно было бы считать, что норма наконец установилась, причем победило не то написание, которое было рекомендовано в РОС.

Во втором случае (вариативность нормы) кодификатору ничего не остается, кроме как отразить эту вариативность в кодификации. Выбор кодификатором какого-то одного варианта будет не чем иным, как искажением орфографической реальности, а попытка навязать выбранный вариант пишущему сообществу может восприниматься

как ни на чем не основанный произвол. Более того, может оказаться, что разные кодификаторы рекомендуют разные орфографические варианты в качестве единственно «правильного». Если какой-то из кодификаторов пользуется в пишущем сообществе безусловным авторитетом, можно рассчитывать, что именно его рекомендация будет принята грамотными носителями языка (можно надеяться, что самыми авторитетными рекомендациями для пишущих по-русски будут рекомендации Орфографической комиссии Российской академии наук). Однако и рекомендации авторитетных кодификаторов иногда отвергаются пишущим сообществом. И полный академический справочник, и РОС рекомендуют написания *мелочовка* и *речовка*; однако в узусе, в том числе в текстах, написанных грамотными людьми и прошедших корректуру, явно преобладают написания *мелочевка* и *речевка*. Наивным представляется расчет на то, что победит кодификация, поддержанная государственной властью. Русский язык используется во всем мире, он имеет официальный статус в целом ряде стран, и власти какой бы то ни было страны не имеют ни полномочий, ни достаточных знаний для регулирования русской орфографии. Если же власти каждой из стран, в которой используется русский язык, смогут навязать свое орфографическое решение, это может только увеличить орфографическую вариативность, так как в разных странах могут быть выбраны разные варианты (ср. различия в английской орфографии в Соединенном Королевстве и в Соединенных Штатах, в которых вариативность сложилась стихийно, но закреплена традицией).

Примечательно, что даже те кодификаторы, которые настаивают на желательности безвариантной орфографии, на практике бывают вынуждены мириться с орфографической вариативностью. Это

касается не только употребления прописных букв и слитного— дефисного—раздельного написания наречных выражений, но и буквенного состава слов. В РОС мы имеем пары орфографических вариантов: *калоши* и *галоши* (и их производные), *матрас* и *матрац*, *ноль* и *нуль* представлены именно как варианты (правда, *шкап* и *шкаф* описаны отдельно, и слово *шкап* снабжено пометой «устар. и сниж. к шкаф»). То, что эти варианты определенным образом коррелируют с возможностью двоякого произношения, не меняет дела: далеко не всякое варьирование произношения отражается на письме. Это особенно очевидно, когда данные разных орфоэпических пособий и справочников противоречат друг другу. Так, словарь Каленчук и Касаткиных в качестве нормативного произношения последовательности согласных в середине слова *брендспойт* указывает [нзб] и отмечает, что произношение [нсп] не рекомендуется. Напротив того, в словаре под редакцией Еськовой в качестве единственного варианта произнесения этой группы согласных указывается [нц^сп] и никакие другие варианты даже не упоминаются. Оба словаря можно считать высоко авторитетными. Иными словами, мы имеем дело с противоречивостью мнения специалистов относительно произносительной нормы (мне представляется, что допустимыми следует признать оба варианта, рекомендуемых словарями). При этом единственно возможный нормативный вариант орфографического оформления данного слова — *брендспойт*. Написание *брендсбойт* изредка встречается (девять примеров в основном и газетном подкорпусах «Национального корпуса русского языка» НКРЯ по состоянию на 1 сентября 2020, и очевидно, что так пишут те, кто произносит это слово с [нзб] и стремится отразить это произношение), но такое написание не признается нормативным. Точно так же мы могли бы писать *калоша* и

считать, что этому написанию соответствует два варианта произношения: с [к] и с [г].

Для слова *тысяча* беглое произношение издавна отмечается на письме в виде *тыща*, и это отражено в РОС, в котором при слове *тысяча* указан вариант *тыща* (с пометой *при передаче разг. произношения, в поэзии*), а кроме того, написание *тыща* приведено на своем алфавитном месте (с той же пометой). Однако для производных слов *тысячный*, *двухтысячный* и т. д., *тысячелетие*, *двухтысячелетие* и т. д. написание с буквой *щ* невозможно, хотя соответствующее произношение нередко встречается в речи.

Возможна и ситуация, когда имеется вариативность в орфографии при едином произношении. В слове *материал* в образцовом произношении после звука [р'] произносится [ja]. При этом существует и другой вариант орфографической записи этого слова, направленный на то, чтобы точнее отразить произношение, и включенный в РОС, а именно – *матерьял* (с пометой – *при передаче произношения, в поэзии*). При этом существенно, что, скажем, в научном тексте написание *материал* практически безальтернативно, хотя в подавляющем большинстве случаев в устной научной речи это слово будет произнесено с [ja]; таким образом, в нем нет однозначной корреляции написания и произношения. Иными словами, наблюдается асимметрия орфографического и произносительного варьирования: господствует произношение [ja], которое по правилам графики должно записываться как *ья*, а на письме господствует сочетание *иа*, которое могло бы побуждать произносить его в два слога (написание с *ья* воспринимается как маркированное).

Для слова *диакон* (а также слов *архидиакон*, *иеродиакон*, *протоиакон*) в РОС в качестве равноправных приведены и написания с *ья*, и написания с *иа*: *дьякон* и *диакон*, *архидьякон* и *архидиакон*,

иеродьякон и *иеродиакон*, *протодьякон* и *протодиакон*. При этом господствует произношение с [ja].

Другим примером вариативности орфографии, косвенно связанной с вариативностью произношения, может служить варьирование написания *Псалтирь*—*Псалтырь*. Удивительным образом написание *Псалтирь*, хотя в текстах оно встречается весьма нередко, не упоминается в РОС; слово представлено в этом словаре лишь в написании *Псалтырь*. Между тем не является редкостью произношение с [т']. При чтении вслух текстов, в которых встречается это слово, если оно написано через букву *ы*, его практически всегда читают с твердым [т], но если оно написано через букву *и*, то чтение с мягким [т'] даже преобладает, но чтение с твердым [т] тоже не исключено. Здесь опять-таки имеет место асимметрия орфографического и фонетического варьирования.

Когда мы имеем дело с иноязычными именами собственными, традиция может сложным образом взаимодействовать с правилами практической транскрипции. В грамотном узусе для передачи английского *William* встречается и написание *Вильям*, и написание *Уильям*. В Основном корпусе НКРЯ сочетание *Вильям Шекспир* используется существенно чаще, чем сочетание *Уильям Шекспир*, а в газетном подкорпусе НКРЯ соотношение обратное: сочетание *Вильям Шекспир* используется существенно реже, чем сочетание *Уильям Шекспир*. При обоих написаниях возможно произношение с неслоговым [у] – ближайшим соответствием английского [w].

Что касается до употребления прописных букв и слитного—дефисного—раздельного написания наречных выражений, вариативность здесь почти неизбежна. Полный академический справочник признает нормативным и написание *наверху дерева*, и написание *на верху дерева* и допускает написание таких слов, как

природа, родина, человек, в определенных контекстах с прописной буквы. В тех случаях, когда кодификаторы настаивают на каком-то одном варианте, их выбор часто представляется немотивированным. В словаре «Прописная или строчная?» Лопатина, Нечаевой и Чельцовой рекомендовано написание *Аника-воин*, но *Иоанн Воин*, *Николай-угодник*, но *Николай Чудотворец*, *Стена Плача*, но *Стена коммунаров*, *Верховный Совет*, но *Верховная рада*, и трудно сказать, чем обусловлены такие решения.

В связи со всем сказанным представляется преувеличенным особое внимание, которое уделяется в диссертации Правилам 1956. Автор пишет: «Единая норма безвариантного письма была утверждена Правилами 1956 и орфографическим словарем. Несмотря на это, варианты продолжили свое существование, но уже в принципиально новых условиях – условиях действия общеобязательного орфографического стандарта, являясь следствием неполноты или неоднозначности кодификации для объективно трудных участков орфографии: слитное или дефисное написание сложных слов, употребление в отдельных случаях прописной буквы или наличие нескольких системных возможностей для графического оформления заимствований, вошедших в русский язык в течение последних десятилетий» (стр. 438). Но в каком смысле стандарт, введенный Правилами 1956, можно считать «общеобязательным»? Помимо неполноты Правил 1956 и неточности целого ряда формулировок, можно заметить, что рекомендации Правил, особенно в части употребления строчных и прописных букв, не считали для себя обязательными многие русские эмигрантские издания; им не следовали в своей частной переписке и многие грамотные носители языка в Советском Союзе.

Из мелочей отмечу некоторую непоследовательность в оформлении библиографии. Автор диссертации упорядочивает ссылки по фамилиям авторов (в алфавитном порядке), а когда в список литературы включено несколько работ одного автора, они упорядочиваются не по году публикации (как это обычно принято), а тоже по алфавиту названий. Но автор диссертации (возможно, по невниманию) иногда ставит запятую после фамилии автора перед инициалами, а иногда не ставит. В результате алфавитный порядок в некоторых случаях нарушается (см. включенные в библиографию работы И. В. Нечаевой).

Легко видеть, что высказанные замечания носят дискуссионный характер либо относятся к частностям. Они не зачеркивают общей положительной оценки работы.

Переходя к общей оценке работы могу отметить следующее (отчасти повторяя уже сказанное).

Диссертация Светланы Васильевны НАУМЕНКО «Русская орфография от вариативности к единой норме: основные этапы становления по данным лексикографических и архивных источников» представляет собою самостоятельное завершённое научное исследование, имеющее как теоретическое, так и практическое значение и отвечает требованиям, предъявляемым в пп. 9-11 Положения о порядке присуждения ученых степеней ВАК России, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык. Автореферат и публикации в полной мере отражают как содержание диссертации, так и основные положения, выносимые на защиту.

Алексей Дмитриевич Шмелёв, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник и заведующий отделом

культуры русской речи Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН (Волхонка 18/2, Москва)
Ленинградский проспект, д. 75А, кв. 60, Москва 125057
+7-905-722 4786
e-mail: shmelev.alexei@gmail.com

8 сентября 2021

Подпись руки *А. С. Шмелев*
референт Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук
"09" 09 2021
(Шмелев А.С.)